

Д. Ю. Хоменко

Хозяйственная адаптация прибалтийских народов в Сибири в начале XX века (на материалах Енисейской губернии)

В работе приводятся результаты исследования переселенческих хозяйств латышей, эстонцев и литовцев на основании опубликованных и архивных статистических данных. Выявлено, что размер посевной площади, структура посевов и предпочтения в скотоводстве мало зависели от этнической принадлежности домохозяйина. Автор обнаруживает значительно большие различия между переселенческими хозяйствами разных природных зон, чем между хозяйствами разных этносов. Вместе с тем изучение прессы позволило выявить некоторые черты, отличавшие прибалтийские хозяйства от других переселенцев и старожилов: семенной севооборот, использование удобрений, льноводство, разведение ягод.

Ключевые слова: прибалтийские народы, переселение, сельское хозяйство, Канский уезд, Ачинский уезд, Красноярский уезд, Минусинский уезд, Енисейская губерния, структура посевов, животноводство, самогонварение, льноводство.

Важным фактором развития Сибири конца XIX — начала XX века стали массовые аграрные переселения из Европейской России. Одной из особенностей этого процесса стал полиэтничный состав участников. Дореволюционная статистика не всегда учитывала национальный состав населения. Так, данные Переселенческого управления не освещают ни этнический, ни конфессиональный состав переселенцев в Сибирь. Вместе с тем ею довольно обстоятельно собран и систематизирован материал об имущественном и финансовом положении переселенцев. Эти данные позволили дореволюционным [5], советским [31] и постсоветским [26] исследователям осветить многие экономические и хозяйственные аспекты, связанные с переселением. В частности, делались выводы о степени товарности хозяйств переселенцев и старожилов, об их вовлеченности в рыночные отношения, о массовости использования наемного труда в крестьянских хозяйствах и др. Переселенческие хозяйства дифференцировались чаще всего по степени экономического благосостояния. В научной литературе существуют указания на особенности водворения, ведения хозяйства представителями различных этносов [16].

В последние годы значительно вырос интерес исследователей к вопросам переселения и адаптации в Сибири лиц, не принадлежащих к русскому этносу, в частности представителей прибалтийских народов (эстонцев, латышей, литовцев). Проблема рассматривается в контексте освоения Азиатской России [15; 20; 38]. Существуют работы, специально посвященные расселению прибалтийских народов в Сибири [6—9; 12—14; 37], их экономической деятельности [34], в частности предпринимательской [11]. Рассматривается история национального образования [10; 35]. Ряд публикаций специально посвящен истории прибалтийских народов в Енисейской губернии [32; 34; 35].

Цель настоящей статьи — выявление особенностей хозяйственной адаптации эстонцев, латышей и литовцев в Енисейской губернии в начале XX века.

Источниковую базу исследования составляют опубликованные результаты выборочного обследования типичных переселенческих хозяйств 1903 г., неопубликованные первичные материалы Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г. [2; 3], а также материалы прессы, например публикации в газете «Сибирская деревня» за 1913—1917 гг.

© Хоменко Д. Ю., 2018

Поскольку источники не предоставляют данных о хозяйстве всех прибалтийских переселенцев в Енисейской губернии, то в исследовании использован метод выборочной статистики [29, с. 254]. Наличие в источниках однопорядковых данных о хозяйстве представителей других этносов позволяет использовать сравнительно-исторический метод [29, с. 233].

Дореволюционная статистика содержит данные о губерниях выхода переселенцев. Для установления численности представителей того или иного народа, водворившихся на территории Сибири, исследователи выявляют, в каких губерниях Европейской России представители данного этноса составляли большинство, и условно считают всех выходцев из данных губерний представителями этого этноса. Так, в частности, поступили авторы работы «Очерки истории белорусов в Сибири в XIX—XX вв.» [21].

Согласно опубликованным данным Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., в Эстляндской губернии из 412 716 жителей 365 959 (88%) были эстонцами [19, с. 5]. В Лифляндской губернии — из 1 299 365 жителей 563 829 (43%) назвались латышами, а 518 594 (40%) — эстонцами [19, с. 3]. В Курляндской губернии из 674 034 жителей 505 994 (75%) — латышами [19, с. 3]. Соответственно в рамках настоящего исследования всех выходцев из Эстляндской губернии следует условно считать эстонцами, всех выходцев из Курляндской губернии — латышами, а половину выходцев из Лифляндской губернии считать латышами, половину — эстонцами.

Данные статистики показывают, что с 1896 по 1914 г. из Лифляндской губернии в Сибирь прибыло 18 538 душ обоего пола, обратно вернулись 3479 человек [33, с. 38—39], водворились 15 059 человек. Если разделить это количество на два, то получится, что в Сибирь прибыло ок. 7500 эстонцев и столько же латышей. Из Курляндской губернии в указанный период за Урал проехало 4887 латышей, обратно вернулись 1232 человека [33, с. 40—41], водворились 3655 латышей. Из Эстляндской губернии проследовали в Сибирь 5099 человек, вернулись 679 [там же], водворилось 4420 эстонцев. Таким образом, окончательные цифры выглядят следующим образом: в Сибири водворились 11 920 эстонцев и 11 155 латышей. На фоне общего числа переселенцев в Азиатскую Россию (3 663 976 водворившихся [33, с. 44—45]) их количество представляется крайне незначительным (менее одного процента).

Между тем из этих данных не следует вывод о том, какое количество латышей и эстонцев водворилось в Енисейской губернии. Частично восполнить этот пробел позволяют Памятные книжки Енисейской губернии. Так, в 1900 г. сюда переселилась 71 семья из Лифляндской губернии и 6 — из Курляндской [22, с. 142—145]; в 1903 г. — 69 из Лифляндской, 5 — из Курляндской, 2 — из Эстляндской [23, с. 204]; в 1907 г. — 136 семей из Лифляндской губернии, 3 — из Курляндской и 6 — из Эстляндской [24, приложение 1]. Итого за три указанных года в Енисейскую губернию переселилось 146 эстонских и 152 латышских семьи, что на фоне общего числа семей переселенцев за данные годы (1900 г. — 2915 семей [22, с. 144], 1903 г. — 2379 [23, с. 204], 1907 г. — 6780 [24, приложение 1] — итого 12 074 семьи) представляется незначительным.

Издания Переселенческого управления позволяют сделать определенные выводы относительно экономического благосостояния переселенцев. Однако хозяйства переселенцев в таких изданиях не дифференцировались по национальному признаку. В 1903 г. было проведено подворное обследование «переселенческих дворов в типичных по хозяйственным признакам поселках» [17, с. I]. Его результаты были изданы в виде «Материалов по обследованию переселенческого хозяйства в Степном крае, Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской губерниях» в двух частях (1905, 1906 гг.). В таблице 2 первой части для каждого обследованного населенного пункта указана губерния выхода пересе-

ленцев. Всего обнаружено шесть населенных пунктов Енисейской губернии, в которых проживали семьи, вышедшие из прибалтийских губерний. А именно: деревня Сорюшки Абаканской волости Минусинского уезда (1 двор из Курляндской или Эстляндской губернии¹) [17, с. 150—151]; Кабрицкий поселок Рыбинской волости Канского уезда (33 двора из Лифляндской губернии) [17, с. 152—153]; Малоимбеженский поселок Перовской волости Канского уезда (1 двор из Лифляндской губернии) [17, с. 164—165]; Успенский поселок Усть-Янской волости Канского уезда (1 двор из Лифляндской губернии) [17, с. 166—167]; Крутой поселок Тинской волости Канского уезда (19 дворов из Лифляндской губернии); Рывинский поселок Тинской волости Канского уезда (2 двора из Лифляндской губернии) [17, с. 196—197].

В целом только 2 поселка представляют интерес и подходят для изучения. Кабрицкий поселок Рыбинской волости Канского уезда: кроме 33 дворов переселенцев из Лифляндской губернии в поселке насчитывалось 7 дворов выходцев из Петербургской, Новгородской, Калужской и Тверской губерний и 19 дворов таковых из Псковской губернии. Таким образом, можно предположить, что больше половины дворов данного поселка населяли эстонцы и латыши, поэтому он тоже объект для изучения.

В поселке Крутом Тинской волости Канского уезда кроме 19 дворов переселенцев из Лифляндской губернии насчитывалось 11 дворов выходцев из Псковской губернии, 9 дворов — из Саратовской и Симбирской губерний, по 1 двору из Нижегородской и Витебской. Получается, что дворы эстонцев и латышей составляли меньшинство (19 против 22). Однако не исключено, что среди дворов переселенцев, вышедших из Псковской губернии, также имелись эстонцы или латыши: Псковская губерния граничила с Эстляндской и Лифляндской. Кроме того, Саратовская и Симбирская губернии могли быть губерниями выхода для немцев Поволжья. Поэтому данный поселок может считаться пригодным для изучения.

Кабрицкий поселок располагался в лесостепной зоне. Поэтому имеет смысл сравнить его с общей картиной по лесостепной зоне Канского уезда. Второй эстонско-латышский поселок, выбранный для изучения, — поселок Крутой Тинской волости Канского уезда — располагался в таежном районе. Поэтому его необходимо сравнивать с общей картиной по изученным переселенческим хозяйствам таежной зоны Канского уезда.

В 1917 г. на территории России была организована Всероссийская сельскохозяйственная и поземельная перепись. Ее материалы были частично опубликованы [25]. В Государственном архиве Красноярского края сохранились материалы, свидетельствующие о подготовке, организации и проведении переписи. Вместе с тем первичных материалов переписи сохранилось крайне незначительное количество: несколько дел, общим количеством не более десяти, территориально охватывающих только Канский уезд. Каждое дело посвящено одному населенному пункту, реже — двум.

Переписные листы составлялись на одно домохозяйство. В них указывались данные о домохозяйине: фамилия, имя, отчество, сословие и национальность. Наличие последней характеристики позволяет с точностью до домохозяйина выявить представителей прибалтийских национальностей. Материалы показали, что в двух переселенческих поселках (деревнях Красногорьевка [2] и Калиновка [3] Переяславской волости Канского уезда) проживало значительное количество литовцев (наряду с русскими и украинцами, а также сибирскими старожилами). Данные переписных листов позволяют изучить особенности хозяйства литовцев в сравнении с представителями других национальностей. Также возможно сравнить хозяйственное положение литовцев с данными в целом по уезду.

¹ В данном случае выходцы из обеих губерний указаны в одном столбце.

Таким образом, данные обследования 1903 г. служат источником для изучения эстонско-латышских поселков Кабрицкого и Крутого, а данные переписи 1917 г. — для изучения литовского населения деревень Красногорьевка и Калиновка.

Кроме статистических данных в статье используются материалы прессы. В Енисейской губернии вопросами переселения, обустройства в Сибири и ведения хозяйства переселенцами специально занималась газета «Сибирская деревня», издававшаяся с 1913 по 1917 г. включительно Восточно-Сибирским обществом сельского хозяйства, промышленности и торговли (в 1912—1913 гг. именовалась «Справочник»). Материалы «Сибирской деревни» позволяют выявить те характерные черты хозяйства представителей прибалтийских народов, которые наиболее бросались в глаза современникам.

Как видно из таблицы 1, размеры пашен в Кабрицком поселке были несколько меньше, чем в целом по обследованным хозяйствам лесостепной зоны Канского уезда.

Таблица 1

Посевная площадь в хозяйствах переселенцев исследуемых групп

	Пос. Кабрицкий		Лесостепь Канского уезда		Пос. Крутой		Тайга Канского уезда		Дер. Красногорьевка (литовцы)		Дер. Калиновка (литовцы)	
	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%
Всего дворов	60		273		41		255		29		11	
Произвели посев	56	93	259	95	38	93	230	90	28	96	11	100
менее 1 дес.			16	6	10	24	55	21				
от 1 до 2 дес.	6	10	43	16	17	41	77	30	5	17,8		
от 2 до 3 дес.	20	33	50	18	7	17	54	21	5	17,8	1	9
от 3 до 4 дес.	10	16	43	16	3	7	24	9	5	17,8	1	9
от 4 до 5 дес.	10	16	36	13	1	4	8	3	4	14,3	1	9
от 5 до 7 дес.	10	16	40	15			11	4	3	10,7	2	18,2
от 7 до 9 дес.			13	5			1				3	27,3
от 9 до 11 дес.			9	3					4	14,3	3	27,3
более 11 дес.			9	3					2	7,1		

Составлено и подсчитано по: [17, с. 50, 52, 92, 94; 18, с. 87, 91, 159, 163; 2, л. 1, 6, 41—68; 3, л. 4, 8, 10, 11, 16, 25, 27, 28, 40, 53, 67].

Так, треть хозяйств в поселке имела запашку от 2 до 3 дес., в то время как из всех хозяйств лесостепи такой запашкой обладали 18% домохозяйств. В пос. Кабрицком не было ни одного хозяйства с посевной площадью свыше 7 дес., хотя в лесостепной зоне Канского уезда таковых насчитывалось 11%. Это подтверждается и данными по средней посевной площади, которая в Канской лесостепи составила 4 дес. (было засеяно 1093,6 дес. [18, с. 90] при общем числе дворов 273 [17, с. 52]), в то время как в среднем на одно хозяйство Кабрицкого поселка приходилось по 3,4 дес. посевной площади (было засеяно 204,25 дес. [18, с. 86] при общем числе дворов 60 [17, с. 50]).

Та же тенденция наблюдается и в пос. Крутом. Если в поселке 65% домохозяйств обладали посевной площадью менее 2 дес., то во всех обследованных хозяйствах таежной зоны Канского уезда аналогичной посевной площадью обладал 51% хозяйств. В среднем на одно хозяйство пос. Крутого посевная площадь составила 1,6 дес. (было засеяно 64,09 дес. [18, с. 158] при общей численности дворов 41 [17, с. 92]). Средняя же площадь посевов в таежной зоне равнялась 1,9 дес. на хозяйство (было засеяно 475,06 дес. [18, с. 162] при 255 дворах [17, с. 94]). Можно видеть, что размер пашни в Крутом поселке

незначительно меньше, чем в целом по Канской тайге. В сравнении с лесостепью обнаруживается, что и в целом по таежной зоне, и конкретно в поселке Крутом запашка была меньше. Несомненно, на площадь пашни влияли географические условия: таежные земли значительно сложнее распахать. Однако в приведенных выше данных прослеживается и зависимость посевной площади от этнической принадлежности переселенцев: в обоих случаях в эстонско-латышских поселках запашка была меньше, чем в целом по соответствующей природной зоне.

Литовские хозяйства в дер. Калиновка и Красногорьевка выглядят более обеспеченными посевной площадью. Так, в дер. Калиновка не было ни одного хозяйства с посевной площадью менее 3 дес., в то время как в пос. Кабрицком таковых насчитывалось больше трети, а в пос. Крутом их было большинство. Это подтверждается и средними данными, подсчитанными нами по указанным далее архивным источникам. На одно литовское домохозяйство в дер. Красногорьевка в среднем приходилось 4,7 дес. посевов [2, л. 1, 6, 41—68], в дер. Калиновка — 6,7 дес. [3, л. 4, 8, 10, 11, 16, 25, 27, 28, 40, 53, 67]. Следует сравнить эти данные с ситуацией у соседей литовцев в обеих деревнях. На одно русское хозяйство в дер. Красногорьевка приходилось 6,4 дес. [2, л. 2—5, 7—40, 69, 70], в дер. Калиновка — 5,2 дес. [3, л. 1—3, 5—7, 12, 15, 21—24, 26, 29—31, 41—44, 51, 52, 54, 55, 60—66, 69, 71—73, 76—79]. Кроме русских и литовцев в обоих населенных пунктах проживали украинские семьи (в переписных листах в графе национальность указано «малорос»). Хозяйства украинцев дер. Красногорьевка располагали в среднем 5,6 дес. посевов [2, л. 71—85], дер. Калиновка — 4,4 дес. [3, л. 9, 17, 33—39, 48, 50, 56, 57—59, 74, 80]. Эти данные не позволяют выявить какой-либо зависимости посевной площади от этнической принадлежности переселенцев. Наряду с переселенцами в дер. Калиновке проживало несколько старожильческих семей. Их средняя запашка составила 6,6 дес. [3, л. 13, 14, 18—20, 32, 45—47, 68, 70]. Таким образом, старожильческие хозяйства практически не отличались по площади запашки от переселенческих.

В 1917 г. в Канском уезде всего было засеяно 236 651,5 дес. Наличных хозяйств крестьянского типа насчитывалось 49 404 [25, с. 148—151]. Таким образом, на одно хозяйство приходилось по 4,8 дес. посевной площади. Сравнение с данными по изученным деревням показывает, что литовские хозяйства дер. Красногорьевки были незначительно меньше обеспечены посевной площадью, а дер. Калиновки — значительно больше. Аналогичная ситуация сложилась с украинскими хозяйствами. Русские переселенцы в обеих деревнях были более обеспечены посевной площадью, чем хозяйства в среднем по уезду.

Итак, на обеспеченность посевной площадью в значительно большей степени влиял географический фактор, нежели этнический.

Сведения таблицы 6 выпуска XXXII изданий Переселенческого управления позволяют установить, какие сельскохозяйственные культуры были наиболее популярны у жителей Канского уезда в 1903 г. По данным первичных материалов сельскохозяйственной и поземельной переписи была рассчитана площадь, отводимая в дер. Калиновка и Красногорьевка под посевы различных культур. В опубликованных поуездных итогах переписи 1917 г. структура посевов представлена в сокращенном виде. Представляется возможным сравнить данные по изученным поселкам с данными о структуре посевов Канского уезда по результатам сельскохозяйственной и поземельной переписи 1916 г. Все эти сведения о площадях обобщены в таблице 2.

Изучение данных таблицы 2 показывает, что в большинстве случаев наиболее популярной культурой была озимая рожь. Посевы этой культуры в таежном районе (и в том числе в пос. Крутом) составили в 1903 г. более половины всей посевной площади, а в лесостепной зоне — ровно половину (в пос. Кабрицком — чуть менее половины).

В дер. Калиновка и Красногорьевка в 1917 г. посевы озимой ржи в среднем занимали треть посевной площади вне зависимости от этнической принадлежности.

Таблица 2

Структура посевов пос. Кабрицкого, Крутого, дер. Калиновки и Красногорьевки

	Озимая рожь		Яровая пшеница		Овес		Ячмень		Картофель		Яровая рожь	
	Дес.	%	Дес.	%	Дес.	%	Дес.	%	Дес.	%	Дес.	%
пос. Кабрицкий	92,5	45	44,5	22	31,25	15	19,1	9	13,87	7	0,62	<1
лесостепь Канского уезда	544,54	50	248,73	23	111,87	10	52,66	5	41,59	4	48,99	4
пос. Крутой	44,37	69	6,17	10	5,23	8	2,91	5	2,59	4	1,62	<2
тайга Канского уезда	312,08	66	48,47	10	29,05	6	22,28	5	26,65	6	21,98	4
Литовцы												
дер. Красногорьевка	53,5	39	42,9	31,5	20,8	15	9,6	7	0,2	0,14	2	1
дер. Калиновка	22,5	30,5	20,5	27,8	18,2	24,7	6,7	9	0,4	0,5	2	2,7
Русские												
дер. Красногорьевка	83,5	32	84,5	32	56,5	21,6	20,4	7,8	1,5	0,6	0	0
дер. Калиновка	60,8	30	62,9	31	46,4	22,8	16,7	8,2	0,3	0,14	2,4	1
Украинцы												
дер. Красногорьевка	23,5	28	28,5	34	15,7	18,7	9,4	11,2	2	2,4	0	0
дер. Калиновка	21,2	28	20	26,5	18	24	11	14,6	0,4	0,5	1	1,3
старожилы дер. Калиновка	22,1	30	20,4	28	18,1	25	5,3	7,2	0,5	0,7	3,7	5
Канский уезд 1916 г.	90 813,5	42	49 092,9	23	40 942,6	19	9591,3	4	5562	3	11 595,7	5

Составлено и подсчитано по: [18, с. 86, 90, 158, 162; 2; 3; 4, л. 11 об. — 12].

На втором месте по популярности в большинстве случаев находилась яровая пшеница. Наименьшие посевы этой культуры производили в таежной зоне (в том числе в пос. Крутом). В деревнях Калиновка и Красногорьевка посевы яровой пшеницы составляли в 1917 г. около трети посевной площади. У украинского и русского населения дер. Красногорьевки посевы пшеницы превосходили посевы озимой ржи.

Таким образом, несомненными лидерами по популярности были озимая рожь и пшеница. Однако если в эстонско-латышских поселках разница между посевной площадью ржи и пшеницы была значительной, то в дер. Красногорьевка и Калиновка обе культуры занимали около трети посевной площади каждая. Эту разницу нельзя объяснить различиями в народных традициях, так как население Красногорьевки и Калиновки являлось полиэтничным и структура посевов была у всех приблизительно одинаковой. Вероятно, структура посевов зависела от естественных факторов. Этот тезис подтверждается и тем, что доли озимой ржи в пос. Кабрицком и в лесостепной зоне Канского уезда (так же как и в пос. Крутом и таежной зоне) различались незначительно. То же наблюдение касается и посевов яровой пшеницы.

Аналогичная ситуация сложилась с посевами овса. Во всех случаях он был третьей по популярности культурой. Для пос. Крутого и Кабрицкого доля посевов овса была близка к аналогичному показателю в соответствующей природной зоне. В дер. Калиновка доля посевов овса была почти одинаковой (от 22,8 до 25%) у всех этнических групп (и у старожильческого населения) и при этом выше, чем в дер. Красногорьевка (от 15 до 21,6%).

Сравнение структуры посевов литовцев дер. Красногорьевка и Калиновка со структурой посевов их соседей (русских и украинских переселенцев) показывает, что в целом у переселенцев структура посевов была аналогичной и не зависела от этнической при-

надлежности. Наиболее заметны отличия у украинцев, однако разница в структуре посевов существовала не только между украинцами и литовцами, но и между украинцами, проживавшими в разных деревнях. Можно сделать вывод, что основным фактором, влиявшим на структуру посева, были не традиции землепользования, принятые на родине переселенцев и принесенные с собой, а также не степень модерности народов, а местные условия. Этот вывод вполне согласуется с данными по эстонско-латышским поселкам Кабрицкий и Крутой.

Структура посевов старожильского населения была аналогичной структуре посевов переселенцев. Те различия, которые бросаются в глаза (высокая доля овса и яровой ржи), похожи на структуру посева украинцев в дер. Калиновке. Учитывая, что подобные явления не характерны для украинцев в дер. Красногорьевке, можно предположить, что структуру посевов переселенцы-украинцы заимствовали у старожилов, а не наоборот. Аналогичный вывод касается и русского, и литовского населения деревни. Данные о посевах старожильского населения подтверждают вывод о превалирующем значении природного фактора при выборе структуры посевов над этническим (т.е. народными традициями землепользования).

Можно предположить, что сходство в структуре посевов у представителей разных этносов в пределах одного населенного пункта объясняется в том числе и тем, что соседи заимствовали друг у друга сельскохозяйственные технологии и культуры. Такие заимствования отмечаются в сфере самогонарения, которое было привнесено «западными переселенцами» и получило распространение среди сельских жителей других национальностей (см. ниже). Однако в данном случае невозможно установить, чье влияние было превалирующим — русских, литовцев, украинцев или старожилов.

Заметно, что структура посевов в дер. Красногорьевка и Калиновка значительно отличалась от структуры посевов в целом по Канскому уезду (данные 1916 г.). Во-первых, посева яровой пшеницы были больше в процентном отношении, чем в целом по уезду, а озимой ржи — меньше. Во-вторых, весьма популярной культурой был ячмень, посевная площадь которого в целом по уезду была незначительной. Эти различия в структуре посевов указанных деревень касались представителей всех этносов.

Таким образом, изучение структуры посевов показало, что территориальные различия были сильнее, чем этнические: в пределах одной деревни структура посевов у представителей разных этнических групп совпадала, в то время как структура посевов представителей одного народа в разных населенных пунктах различалась.

Тезис о преимущественном влиянии на выбор переселенцами хозяйственных занятий природных условий, а не этнической принадлежности подтверждается существованием в Ачинском уезде льноводческих хозяйств. В 1916 г. специалистом по льноводству П. Соболевым были изучены Канский и Ачинский уезды Енисейской губернии. Им отмечено существование льноводства «в довольно значительных размерах, доходящих местами у отдельных домохозяев до 6, 7, 8 и 9 десятин» в Ново-Новоселовской волости и районе Зачулымья Ачинского уезда. Эти хозяйства принадлежали эстонцам и латышам, выходцам «из Витебской и Лифляндской губерний» [30, с. 3]. Если бы льноводство было обязательной чертой прибалтийских хозяйств, то оно имело бы более широкое распространение, например присутствовало бы в Канском уезде. Однако ни изученные статистические материалы, ни сам П. Соболев на это не указывают. Соответственно льноводство у прибалтов в Зачулымье было развито не только вследствие их сельскохозяйственных традиций, но и в силу благоприятных природных условий.

Животноводство имело распространение в поселке Кабрицком. Только 1 хозяйство из 60 не имело никакого скота; 3 хозяйства не имели рабочего скота, но имели по одной

дойной корове и 8 голов мелкого скота в совокупности. Остальные 56 хозяйств (93%) имели рабочий и нерабочий скот. Хозяйств с 1 лошастью насчитывалось 22 (37%), с 2 лошадьми — 28 дворов (45%), 4 двора (7%) — с 3 лошадьми и 2 двора (3%) — с 4 лошадьми. Что касается нерабочего скота, то всего в поселке насчитывалось 110 дойных коров, 146 овец, 172 свиньи и 123 головы иного скота. Распределение нерабочего скота по дворам выглядело следующим образом: чем больше в хозяйстве было лошадей, тем больше было и голов нерабочего скота. Например, из 22 дворов с одной лошастью большинство (13) владели 1—2 головами нерабочего скота. А из 27 дворов с двумя лошадьми большинство (13) владели 2—3 головами нерабочего скота [18, с. 262—265]. В целом эта тенденция (чем больше голов рабочего скота, тем больше голов нерабочего скота) характерна и для всего лесостепного района Канского уезда [18, с. 268—269].

В поселке Крутом практически все дворы были обеспечены скотом (кроме одного). 4 двора владели только рабочим скотом, 2 двора — только нерабочим. Таким образом, количество дворов с рабочим и нерабочим скотом составляло 34 (83%). Это на 10% меньше, чем в поселке Кабрицком. Хозяйств с одной лошастью насчитывалось 17 (41%), с двумя лошадьми — 16 дворов (39%), с тремя — 1 (2%). По сравнению с поселком Кабрицким в Крутом не было хозяйств с четырьмя головами рабочего скота, а также меньшей была доля хозяйств с двумя и тремя лошадьми. Что касается соотношения голов рабочего и нерабочего скота, то в этом отношении Крутой поселок напоминает Кабрицкий: чем больше голов рабочего скота, тем больше и нерабочего [18, с. 334—337].

Из 29 литовских домохозяйств дер. Красногорьевки только 3 хозяйства были безлошадными. В одном хозяйстве (3%) имелась 1 лошадь, в 7 хозяйствах (24%) — 2 лошади, в 9 хозяйствах (31%) — 3 лошади, в 3 хозяйствах (10%) — 4 лошади, в 5 хозяйствах (17%) — 5 лошадей, в 1 хозяйстве (3%) — 8 лошадей.

Что касается нерабочего скота, то только два хозяйства (7%) не располагали им совершенно. При этом оба эти хозяйства были двухлошадными. Таким образом, не было ни одного литовского хозяйства совершенно без скота. В переписных листах учитывались крупный рогатый скот (и отдельно коровы), овцы, козы и свиньи. Последние были во всех хозяйствах, кроме двух указанных, не имевших нерабочего скота. Столь же массово были распространены коровы и иной крупный рогатый скот: коров не имели 5 хозяйств (17%). Коз не было ни в одном хозяйстве. Овцы имелись в 14 хозяйствах (48%). Всего в деревне насчитывалось 87 лошадей, 66 голов крупного рогатого скота (из них 40 коров), 121 овца и 113 свиней (подсчитано по: [2, л. 1, 6, 41—68]).

В дер. Калиновке у литовцев насчитывалось 45 лошадей, 36 голов КРС (из них 20 коров), 65 овец и 21 свинья. Безлошадных литовских хозяйств в деревне не зафиксировано. В 5 хозяйствах (45%) насчитывалось по 4 лошади; в остальных — 8, 6, 5, 3, 2 и 1 лошадь.

Все 11 литовских хозяйств были обеспечены крупным рогатым скотом, в частности коровами. Свиньи и овцы же имелись не во всех хозяйствах: тех и других не было в двух хозяйствах (разные домохозяйства) (подсчитано по: [3, л. 4, 8, 10, 11, 16, 25, 27, 28, 40, 53, 67]).

Средняя обеспеченность лошадьми литовских хозяйств составила 3 лошади в Красногорьевке и 4 — в Калиновке. Этот же показатель у русских переселенцев равнялся 3,75 и 3 соответственно. Для хозяйств украинцев данный показатель составлял 3,2 в Красногорьевке и 3 — в Калиновке. Таким образом, обеспеченность лошадьми не зависела от этнического состава населения деревень. То же следует отметить и касательно нерабочего скота. Так, коз не разводили ни русские, ни украинцы. Обеспеченность крупным рогатым скотом для разных этнических групп обеих деревень варьировала от 2,2 у украинцев Калиновки до 3,3 у литовцев Калиновки (подсчитано по: [2; 3]).

Изучение данных о животноводческом хозяйстве переселенцев из прибалтийских губерний не позволяет выявить каких-либо значимых закономерностей.

Материалы прессы показывают черты прибалтийских хозяйств, которые не учитывались официальной статистикой. Вот какие особенности латышских хозяйств были подмечены корреспондентом «Сибирской деревни» А. Хуторянином в 1915 г.: стремление селиться на хуторах, семипольный севооборот, «параллельно вводимое при полеводстве скотоводство», выращивание корнеплодов и кормовых трав для скота, создание ягодных садов, в том числе клубники, применение машин и удобрений (не только органических, но и искусственных). В целом он отмечал более высокий уровень латышских хозяйств по сравнению со старожильческими, объясняя его более высокой культурой переселенцев [36].

Корреспондент «Сибирской деревни» под инициалами А. Б. писал в начале 1914 г. о широком распространении самогонарения среди «западных» переселенцев: латышей, эстонцев, белорусов вследствие отсутствия у переселенцев в первые годы свободных средств, на которые можно было бы приобрести алкоголь, с одной стороны, и наличия большого количества дешевого хлеба — с другой [1].

Введение сухого закона после начала Первой мировой войны повысило интерес сельского населения к самогонарению. При этом корреспонденты «Сибирской деревни» часто отмечали, что изначально самогонка появлялась в среде переселенцев. Например, в Кияйской волости Красноярского уезда первыми самогонщиками «были эстонцы, за ними начали латыши, а затем пошло по всей волости» [27, с. 16]. Жители Салбинской волости Минусинского уезда, состоявшей «из переселенцев, преимущественно белорусов и латышей», снабжали «этим продуктом (самогонкой) почти весь громадный Минусинский уезд» [28, с. 16].

Таким образом, можно констатировать, что структура сельского хозяйства прибалтийских переселенцев незначительно отличалась от таковой у старожилов и других переселенцев. Значительно большие различия обнаружены между переселенческими хозяйствами разных природных зон, чем между хозяйствами разных этносов. Отличительные черты хозяйственной адаптации прибалтийских народов обнаруживаются в использовании семипольного севооборота, удобрений, привнесении в Сибирь новых отраслей хозяйства (льноводство, самогонарение) и сельскохозяйственных культур (клубники и других ягод).

Список использованных источников и литературы

1. А. Б. Самогонка // Сибирская деревня. 1914. № 11. С. 10—12.
2. Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. 31. Оп. 1. Д. 299.
3. ГАКК. Ф. 31. Оп. 1. Д. 300.
4. ГАКК. Ф. 262. Оп. 2. Д. 20.
5. Кауфман А. А. Переселение и колонизация. СПб. : Тип. т-ва «Общественная польза», 1905. 349 с.
6. Колоткин М. Н. Балтийская диаспора Сибири: Опыт исторического анализа 20—30-х гг. Новосибирск : РИО СГГА, 1994. 164 с.
7. Колоткин М. Н. Латгальские поселенцы в Сибири. Новосибирск : РИО СГГА, 1994. 67 с.
8. Коровушкин Д. Г. Латыши и эстонцы в Западной Сибири: расселение и численность в конце XIX — начале XXI века. Новосибирск : ИАЭт СО РАН, 2008. 248 с.
9. Коровушкин Д. Г. История и источники изучения количественных и качественных изменений расселения и численности сельских переселенческих диаспор Западной Сибири в конце XIX — XX веке (на примере латышей и эстонцев) // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. История, филология. 2009. Т. 8, № 5. С. 36—52.
10. Коровушкин Д. Г. Национальная школа в районах аграрного переселения Западной Сибири конца XIX — первой трети XX в. в контексте этнической самоидентификации переселенцев // Гуманитарные науки и образование в Сибири. 2015. № 3. С. 164—177.

11. Кротт И. И. «Чужаки» в условиях иноэтничной среды: предпринимательство сибирского переселенческого сообщества второй половины XIX — начала XX века // Историческая психология и социология истории. 2014. Т. 7, № 2. С. 93—108.
12. Лоткин И. В. Современные этнические процессы у латышей и эстонцев Западной Сибири. М. : Изд-во Ин-та этнологии и антропологии РАН, 1996. 256 с.
13. Лоткин И. В. Прибалтийские диаспоры в Сибири (1920—1930-е годы): Аспекты этносоциальной истории. Омск : Издат. дом «Наука», 2006. 348 с.
14. Лоткин И. В. Проблемы формирования поселений прибалтийских народов в Сибири в XIX — начале XX в. // Известия Алтайского государственного университета. 2009. № 4-1. С. 118—125.
15. Лоткин И. В. История и этнография сибирских эстонцев в трудах отечественных и зарубежных исследователей // Лютеране в России: к 300-летию распространения лютеранства в Сибири : сб. докл. междунар. науч. конф. Омск : ОмГТУ, 2014. С. 113—115.
16. Массовые аграрные переселения на восток России (конец XIX — середина XX в.). Новосибирск : НГУ, 2010. 206 с.
17. Материалы по обследованию переселенческого хозяйства в Степном крае, Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской губерниях. Часть 1. СПб. : Электротип. Н. Я. Стойковой, 1905. 549 с. (Издания Переселенческого управления Министерства внутренних дел. Вып. 19).
18. Материалы по обследованию переселенческого хозяйства в Степном крае, Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской губерниях. Часть 2. СПб. : Электротип. Н. Я. Стойковой, 1906. 353 с. (Издания Переселенческого управления Министерства внутренних дел. Вып. 32).
19. Наличное население обоего пола по уездам с указанием числа лиц преобладающих родных языков. СПб. : Паровая типо-литогр. Н. Л. Ныркина, 1905. 38 с. (Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года / под ред. Н. А. Тройницкого. Вып. 7).
20. Нам И. В. Институционализация этничности в сибирском переселенческом обществе (конец XIX — начало XX в.) // Известия Иркутского государственного университета. Сер. Политология. Религиоведение. 2014. Т. 10. С. 34—39.
21. Очерки истории белорусов в Сибири в XIX—XX вв. Новосибирск : НГУ, 2001. 240 с.
22. Памятная книжка Енисейской губернии на 1901 г. Красноярск : Енисейская губ. тип., 1901. VIII, 200, 82, XVII с.
23. Памятная книжка Енисейской губернии на 1905 г. Красноярск : Енисейская губ. тип., 1905. XV, 281 с.
24. Памятная книжка Енисейской губернии на 1909 г. / под ред. Н. В. Доброхотова. Красноярск : Енисейская губ. тип., 1909. XII, 116, 97, 98, 52, 58 с.
25. Поуездные итоги Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 года по 57 губерниям и областям. М. : Тип. М.К.Х., 1923. 221 с. (Труды Центрального статистического управления / РСФСР. Отд. с.-х. переписей. Т. 5, вып. 2).
26. Сафронов С. А. Столыпинская аграрная реформа и ее влияние на хозяйственное развитие Восточной Сибири в 1906—1917 гг. Красноярск : КрасГУ, 2006. 750 с.
27. Сибирская деревня. 1915. № 6.
28. Сибирская деревня. 1915. № 9.
29. Смоленский Н. И. Теория и методология истории. М. : Академия, 2010. 272 с.
30. Соболев П. Льноводство в Енисейской губернии // Сибирская деревня. 1917. № 15. С. 2—6.
31. Степанин В. А. Колонизация Енисейской губернии в эпоху капитализма. Красноярск : Красноярский рабочий, 1962. 561 с.
32. Тихомиров Н. М. Сохранение этничности сельскими эстонцами-сету Партизанского района Красноярского края // Сохранение и взаимопроникновение национальных культур как фактор устойчивого развития Приенисейского края : материалы науч.-практ. конф. Красноярск : Кларетианум, 2004. С. 165—173.
33. Турчанинов Н. В., Домрачев А. Итоги переселенческого движения за время с 1910 по 1914 г. (включительно). Пг. : Переселенч. упр., 1916. 81 с.
34. Хоменко Д. Ю. Вопросы адаптации нерусских переселенцев в Енисейской губернии в начале XX в. (по материалам прессы) // Седьмые Байкальские международные социально-гуманитарные чтения. Иркутск : ИГУ, 2013. Т. 1. С. 177—181.
35. Хоменко Д. Ю. Образование у лютеран Енисейской губернии: уровень грамотности и система образовательных учреждений (конец XIX — начало XX в.) // Известия лаборатории древних технологий. 2018. Т. 14, № 1. С. 137—146.
36. Хуторянин А. Латыши в Сибири (очерк) // Сибирская деревня. 1915. № 5. С. 6—7.
37. Черказьянова И. В. Ссылные лютеране в Сибири в XIX в.: проблема сохранения языковой и религиозной идентичности // Гуманитарные науки в Сибири. 2007. № 2. С. 32—35.

38. Чуркин М. К. Иноэтничный фактор в колонизации Сибири: общественно-политический дискурс второй половины XIX — начала XX века // Польские ссыльные в Сибири во второй половине XVIII — начале XX века в восприятии российской администрации, переселенцев и коренных народов Сибири. Омск : Полиграфический центр КАН, 2015. С. 168—176.

Поступила в редакцию 01.06.2018

Хоменко Денис Юрьевич, преподаватель
Красноярский медицинский техникум
Российская Федерация, 660123, г. Красноярск, ул. Инструментальная, 12
E-mail: khomenko_denis@mail.ru

UDK 94(57)

D. Yu. Khomenko

**Economic adaptation of the Baltic peoples in Siberia in early XX century
(based on the materials of the Yenisei region)**

The paper presents the research results of the resettled economies of the Latvians, Estonians and Lithuanians on the basis of the published and archival statistical data. It is revealed that the size of the sown area, the structure of crops and preferences in cattle breeding depended little on the ethnicity of the householder. The author reveals much greater differences between resettled farms of different natural zones than between farms of different ethnic groups. At the same time, the study of the press made it possible to identify some features that distinguished the Baltic economies from other settlers and old-timers: seven-zone crop rotation, use of fertilizers, flax growing, berry farming.

Key worlds: Baltic peoples, migration agriculture, Kansk county, Achinsk county, Krasnoyarsk county, Minusinsk county, Yenisei province, structure of crops, livestock production, moonshining, flax growing.

Khomenko Denis Yurievich, teacher
Krasnoyarsk Medical Vocational School
Russian Federation, 660123, Krasnoyarsk, ul. Instrumental'naya, 12
E-mail: khomenko_denis@mail.ru

References

1. A. B. Samogonka [Moonshine]. *Sibirskaya derevnya*, 1914, no. 11, pp. 10—12. (In Russian)
2. *Gosudarstvennyi arkhiv Krasnoyarskogo kraja* [State Archives of the Krasnoyarsk Territory] (GAKK). F. 31. Op. 1. D. 299.
3. GAKK. F. 31. Op. 1. D. 300.
4. GAKK. F. 262. Op. 2. D. 20.
5. Kaufman A. A. *Pereselenie i kolonizatsiya* [Resettlement and colonization]. St. Petersburg, Tip. t-va "Obshchestvennaya pol'za" Publ., 1905. 349 p. (In Russian)
6. Kolotkin M. N. *Baltiiskaya diaspora Sibiri: Opyt istoricheskogo analiza 20—30-kh gg.* [The Baltic Diaspora of Siberia: The Experience of Historical Analysis of the 20—30s]. Novosibirsk, RIO SGGA Publ., 1994. 164 p. (In Russian)
7. Kolotkin M. N. *Latgal'skie poseletsy v Sibiri* [Latgalian settlers in Siberia]. Novosibirsk, RIO SGGA Publ., 1994. 67 p. (In Russian)
8. Korovushkin D. G. *Latyshi i estontsy v Zapadnoi Sibiri: rasselenie i chislennost' v kontse XIX — nachale XXI veka* [Latvians and Estonians in Western Siberia: resettlement and numbers at the end of the XIX — beginning of the XXI century]. Novosibirsk, IAEt SO RAN Publ., 2008. 248 p. (In Russian)
9. Korovushkin D. G. *Istoriya i istochniki izucheniya kolichestvennykh i kachestvennykh izmenenii rasseleniya i chislennosti sel'skikh pereselencheskikh diaspor Zapadnoi Sibiri v kontse XIX — XX veke* (na

primere latyshei i estontsev) [The history and sources of studying the quantitative and qualitative changes in the settlement and number of rural resettlement diaspora in Western Siberia in the late XIX — XX century (by the example of Latvians and Estonians)]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Istoriya, filologiya*, 2009, vol. 8, no. 5, pp. 36—52. (In Russian)

10. Korovushkin D. G. Natsional'naya shkola v raionakh agrarnogo pereseleniya Zapadnoi Sibiri kontsa XIX — pervoi treti XX v. v kontekste etnicheskoi samoidentifikatsii pereselentsev [The national school in the areas of agrarian resettlement of Western Siberia at the end of the XIX — the first third of the XX century in the context of ethnic self-identification of settlers]. *Gumanitarnye nauki i obrazovanie v Sibiri*, 2015, no. 3, pp. 164—177. (In Russian)

11. Krott I. I. "Chuzhaki" v usloviyakh inoetnichnoi sredy: predprinimatel'stvo sibirskogo pereselencheskogo soobshchestva vtoroi poloviny XIX — nachala XX veka ["Strangers" in the conditions of an alien environment: entrepreneurship of the Siberian resettlement community of the second half of the XIX — early XX century]. *Istoricheskaya psikhologiya i sotsiologiya istorii — Historical Psychology & Sociology*, 2014, vol. 7, no. 2, pp. 93—108. (In Russian)

12. Lotkin I. V. *Sovremennye etnicheskie protsessy u latyshei i estontsev Zapadnoi Sibiri* [Modern ethnic processes among Latvians and Estonians of Western Siberia]. Moscow, In-t etnologii i antropologii RAN Publ., 1996. 256 p. (In Russian)

13. Lotkin I. V. *Pribaltiiskie diaspory v Sibiri (1920—1930-e gody): Aspekty etnosotsial'noi istorii* [The Baltic diasporas in Siberia (1920—1930s): Aspects of ethnosocial history]. Omsk, Izdat. dom "Nauka" Publ., 2006. 348 p. (In Russian)

14. Lotkin I. V. Problemy formirovaniya poselenii pribaltiiskikh narodov v Sibiri v XIX — nachale XX v. [The problems of the formation of settlements of the Baltic peoples in Siberia in the XIX — early XX century]. *Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta — Izvestiya of Altai State University*, 2009, no. 4-1, pp. 118—125. (In Russian)

15. Lotkin I. V. Istoriya i etnografiya sibirskikh estontsev v trudakh otechestvennykh i zarubezhnykh issledovatelei [History and ethnography of Siberian Estonians in the works of domestic and foreign researchers]. *Lyuterane v Rossii: k 300-letiyu rasprostraneniya lyuteranstva v Sibiri: sb. dokl. mezhdunar. nauch. konf.* [Lutherans in Russia: the 300th anniversary of the spread of Lutheranism in Siberia: a collection of reports of the internat. sci. conf.]. Omsk, OmGTU Publ., 2014, pp. 113—115. (In Russian)

16. *Massovye agrarnye pereseleniya na vostok Rossii (konets XIX — seredina XX v.)* [Mass agrarian resettlements to the east of Russia (late XIX — mid XX century)]. Novosibirsk, NGU Publ., 2010. 206 p. (In Russian)

17. *Materialy po obsledovaniyu pereselencheskogo khozyaistva v Stepnom krae, Tobol'skoi, Tomskoi, Eniseiskoi i Irkutskoi guberniyakh. Chast' 1* [Materials on the survey of the resettlement economy in the Steppe region, Tobolsk, Tomsk, Yenisei and Irkutsk provinces. Part 1]. St. Petersburg, Elektrotip. N. Ya. Stoikovoi Publ., 1905. 549 p. (Izdaniya Pereselencheskogo upravleniya Ministerstva vnutrennikh del. Is. 19). (In Russian)

18. *Materialy po obsledovaniyu pereselencheskogo khozyaistva v Stepnom krae, Tobol'skoi, Tomskoi, Eniseiskoi i Irkutskoi guberniyakh. Chast' 2* [Materials on the survey of the resettlement economy in the Steppe region, Tobolsk, Tomsk, Yenisei and Irkutsk provinces. Part 2]. St. Petersburg, Elektrotip. N. Ya. Stoikovoi Publ., 1906. 353 p. (Izdaniya Pereselencheskogo upravleniya Ministerstva vnutrennikh del. Is. 32). (In Russian)

19. *Nalichnoe naselenie oboego pola po uezdnam s ukazaniem chisla lits preobladayushchikh rodnykh yazykov* [The cash population of both sexes in counties indicating the number of persons of the dominant native languages]. St. Petersburg, Parovaya tipo-litogr. N. L. Nyrkina Publ., 1905. 38 p. (Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiiskoi imperii 1897 goda; pod red. N. A. Troinitskogo. Is. 7). (In Russian)

20. Nam I. V. Instituttsionalizatsiya etnichnosti v sibirskom pereselencheskom obshchestve (konets XIX — nachalo XX v.) [Institutionalization of ethnicity in the Siberian resettlement society (late XIX — early XX century)]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta — The Bulletin of Irkutsk State University. Ser. Politologiya. Religiovedenie*, 2014, vol. 10, pp. 34—39. (In Russian)

21. *Ocherki istorii belorussov v Sibiri v XIX—XX vv.* [Essays on the history of Belarusians in Siberia in the XIX—XX centuries]. Novosibirsk, NGU Publ., 2001. 240 p. (In Russian)

22. *Pamyatnaya knizhka Eniseiskoi gubernii na 1901 g.* [Memorable book of the Yenisei province for 1901]. Krasnoyarsk, Eniseiskaya gub. tip. Publ., 1901. VIII, 200, 82, XVII p. (In Russian)

23. *Pamyatnaya knizhka Eniseiskoi gubernii na 1905 g.* [Memorable book of the Yenisei province for 1905]. Krasnoyarsk, Eniseiskaya gub. tip. Publ., 1905. XV, 281 p. (In Russian)

24. *Pamyatnaya knizhka Eniseiskoi gubernii na 1909 g.* [Memorable book of the Yenisei province for 1909]. Krasnoyarsk, Eniseiskaya gub. tip. Publ., 1909. XII, 116, 97, 98, 52, 58 p. (In Russian)

25. *Pouezdnye itogi Vserossiiskoi sel'skokhozyaistvennoi i pozemel'noi perepisi 1917 goda po 57 guberniyam i oblastyam* [Results of the All-Russian agricultural and land census of 1917 per district for 57 provinces and

- regions]. Moscow, Tip. M.K.Kh. Publ., 1923. 221 p. (Trudy Tsentral'nogo statisticheskogo upravleniya; RSFSR. Otd. s.-kh. perepisei. Vol. 5, is. 2). (In Russian)
26. Safronov S. A. *Stolypinskaya agrarnaya reforma i ee vliyanie na khozyaistvennoe razvitie Vostochnoi Sibiri v 1906—1917 gg.* [Stolypin's agrarian reform and its influence on the economic development of Eastern Siberia in 1906—1917]. Krasnoyarsk, KrasGU Publ., 2006. 750 p. (In Russian)
27. *Sibirskaya derevnya*, 1915, no. 6.
28. *Sibirskaya derevnya*, 1915, no. 9.
29. Smolenskii N. I. *Teoriya i metodologiya istorii* [Theory and Methodology of History]. Moscow, Akademiya Publ., 2010. 272 p. (In Russian)
30. Sobolev P. L'novodstvo v Eniseiskoi gubernii [Flax breeding in the Yenisei province]. *Sibirskaya derevnya*, 1917, no. 15, pp. 2—6. (In Russian)
31. Stepynin V. A. *Kolonizatsiya Eniseiskoi gubernii v epokhu kapitalizma* [Colonization of the Yenisei province in the epoch of capitalism]. Krasnoyarsk, Krasnoyarskii rabochii Publ., 1962. 561 p. (In Russian)
32. Tikhomirov N. M. Sokhranenie etnichnosti sel'skimi estontsami-setu Partizanskogo raiona Krasnoyarskogo kraia [Preservation of ethnicity by rural Estonians-Setu of Partizansky district of the Krasnoyarsk Territory]. *Sokhranenie i vzaimoproniknovenie natsional'nykh kul'tur kak faktor ustoichivogo razvitiya Prieniseiskogo kraia: materialy nauch.-prakt. konf.* [Preservation and interpenetration of national cultures as a factor of sustainable development of the Cis-Yenisei Region: materials of scient.-pract. conf.]. Krasnoyarsk, Klaretianum Publ., 2004, pp. 165—173. (In Russian)
33. Turchaninov N. V., Domrachev A. *Itogi pereselencheskogo dvizheniya za vremya s 1910 po 1914 g. (vkluchitel'no)* [The results of the resettlement movement for the period from 1910 to 1914 (included)]. Petrograd, Pereselench. upr. Publ., 1916. 81 p. (In Russian)
34. Khomenko D. Yu. Voprosy adaptatsii nerusskikh pereselentsev v Eniseiskoi gubernii v nachale XX v. (po materialam pressy) [The issues of adaptation of non-Russian immigrants at the Yenisei province at the beginning of the 20th century (based on press materials)]. *Sed'mye Baikal'skie mezhdunarodnye sotsial'no-gumanitarnye chteniya* [Seventh Baikal International Socio-Humanitarian Readings]. Irkutsk, IGU Publ., 2013, vol. 1, pp. 177—181. (In Russian)
35. Khomenko D. Yu. *Obrazovanie u lyuteran Eniseiskoi gubernii: uroven' gramotnosti i sistema obrazovatel'nykh uchrezhdenii (konets XIX — nachalo XX v.)* [Education at the Lutherans of the Yenisei Province: literacy rate and the system of educational institutions (late XIX — early XX century)]. *Izvestiya laboratorii drevnikh tekhnologii — Reports of the Laboratory of ancient technologies*, 2018, vol. 14, no. 1, pp. 137—146. (In Russian)
36. Khutoryanin A. *Latyshi v Sibiri (ocherk)* [Latvians in Siberia (essay)]. *Sibirskaya derevnya*, 1915, no. 5, pp. 6—7. (In Russian)
37. Cherkaz'yanova I. V. *Ssyl'nye lyuterane v Sibiri v XIX v.: problema sokhraneniya yazykovoi i religioznoi identichnosti* [Exile Lutherans in Siberia in the XIX century: the problem of preserving linguistic and religious identity]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri — Humanitarian sciences in Siberia*, 2007, no. 2, pp. 32—35. (In Russian)
38. Churkin M. K. *Inoetnichnyi faktor v kolonizatsii Sibiri: obshchestvenno-politicheskii diskurs vtoroi poloviny XIX — nachala XX veka* [The inoethnic factor in the colonization of Siberia: the socio-political discourse of the second half of the nineteenth and early twentieth centuries]. *Pol'skie ssyl'nye v Sibiri vo vtoroi polovine XVIII — nachale XX veka v vospriyatii rossiiskoi administratsii, pereselentsev i korennykh narodov Sibiri* [Polish exiles in Siberia in the second half of the eighteenth and early twentieth centuries in the perception of the Russian administration, immigrants and indigenous peoples of Siberia]. Omsk, Poligraficheskii tsentr KAN Publ., 2015, pp. 168—176. (In Russian)